

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Великая греческая колонизация, одна из фундаментальных проблем антиковедения, постоянно привлекает внимание ученых. Однако на определенных этапах развития науки интерес к этой проблематике заметно усиливается. Процесс углубления и расширения научного знания о ходе колонизации, увеличение конкретных данных, прежде всего археологических, о выведении апойкий и ранних этапах их развития закономерно требует коллективного обсуждения возникающих вопросов. Подобные обсуждения не могут не стимулировать дальнейший научный поиск. В плане изучения греческой колонизации Причерноморья лучший пример тому – Цхалтубские конференции¹, влияние которых на дальнейшее развитие исследований вполне очевидно. Можно надеяться, что таким же важным этапом в изучении греческой колонизации бассейна Черного моря станет обсуждение ее основных проблем на страницах "Вестника древней истории".

Освоение греками берегов Боспора Киммерийского – одна из главных составляющих колонизации понтийского региона. Несмотря на заметный рост археологической информации по этому вопросу очень многие важнейшие аспекты остаются в высшей степени спорными. Среди них время выведения апойкий на Боспор, их общий облик, характер взаимоотношений с местными племенами и т.п. Рассмотрению этих вопросов, а точнее некоторых их аспектов, и посвящена данная работа.

Одна из особенностей греческой колонизации берегов Керченского пролива, отличающая ее от других районов Северного Причерноморья, это большое количество здесь крупных поселений, многие из которых в научной литературе обычно именуются городами. Античная традиция сохранила названия приблизительно 30 боспорских населенных пунктов². Значительная их часть, особенно если имеются археологические материалы о ранней дате их основания, сейчас нередко считается апойкиями³. Господство этого усредняющего подхода, отсутствие четких установок в определении статуса того или иного поселения, на наш взгляд, являются серьезным недостатком в изучении греческой колонизации Боспора Киммерийского. В равной степени, хотя и не столь ощутимо, этот подход проявляется при изучении других районов колонизации. Выработалось даже его теоретическое обоснование: И.Б. Брашинский и А.Н. Щеглов считали термин "колония" условным, "объединяющим все виды и типы поселений, основанных греками на новых землях"⁴. Объединяя одним понятием города, деревни, хутора и пр. они явно допустили методическую ошибку⁵, поскольку колонии в основном конституировались как полисы⁶. Принятие этого почти самоочевидного положения должно вести не к усреднению всех типов греческих поселений одним понятием, а напротив, к их дифференциации, вычлениению полисов, не только традиционно понимаемых как города-государства, но и тер-

¹ См.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979; Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой колонизации. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981; Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Цхалтубо, 1985. Тбилиси, 1988; Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Вани, 1987. Тбилиси, 1990.

² См.: Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства // Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 61 сл.; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 27 сл.; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. В., 1971. S. 32 ff.

³ См.: Блаватский В.Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С. 11; Шургая И.Г. Динамика исторического развития боспорских городов // Древние города. Материалы к Всесоюз. конф. "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л., 1977. С. 38; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., С. 51, 55.

⁴ Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 32.

⁵ Ср.: Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 36.

⁶ Блаватский В.Д., Кошеченко Г.А., Кругликова И.Т. Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. С. 13.

риториальных полисов вообще, включающих несколько крупных поселений, возможно, даже городского облика.

Надо сказать, что ряд исследователей все же сомневаются, были ли все боспорские города, сведения о которых сохранила античная письменная традиция, полисами⁷. Ю.Г. Виноградов, поддерживая идею, высказанную в свое время С.А. Жебелевым, предполагает возникновение ряда так называемых малых городов европейского и азиатского Боспора в результате вторичной, внутренней колонизации⁸. Напомню, что Жебелев считал полисами лишь те центры, сведения об основании которых сохранились у античных авторов, а именно – Пантикапей, Феодосию, Фанагорию, Гермонассу, Кепы⁹. Остальные населенные пункты, по его мнению, возникли в результате внутренней колонизации после образования Боспорского царства по инициативе и под руководством центральной власти в Пантикапее¹⁰.

Некоторые из приведенных суждений не выдержали проверку временем. После того как на Боспоре развернулись широкие археологические работы, стало очевидно, что почти все населенные пункты, которые упоминает С.А. Жебелев, возникли значительно раньше обозначенного им срока. Определенные сомнения вызывает излишне строгое следование письменным источникам; поскольку уверенность в полноте дошедшей письменной традиции более чем спорна, можно предположить, что информация об основании какой-то апойки или даже нескольких апойкий была просто утеряна. Эти сомнения высказывал и сам С.А. Жебелев, писавший, что некоторые боспорские города теряли полисный статус, приводя в качестве примера Мирмекий, об основании которого ничего не известно. Другие же, по его мнению, наоборот, этот статус приобретали, в частности, Нимфей¹¹. Недочеты в концепции С.А. Жебелева, как видим, существуют, однако, до настоящего времени она привлекает своей логичностью, стройностью, стремлением строго придерживаться источников. Поэтому не случайно некоторые ее элементы, как уже говорилось, используют современные исследователи. Думается, что теперь можно пойти и дальше, взглянуть на картину колонизации Боспора с позиции сегодняшнего дня, привлекая всю совокупность источников.

Письменная традиция сообщает об основании пяти греческих колоний в Восточном Крыму и на Таманском полуострове. Это милетские колонии Пантикапеей (Strabo. VII. 4.4; Plin. NH. IV. 26), Феодосия (Arr. P. Pont. 30; Anonym. P. Pont. 77) и Кепы (Ps.-Scymn. 896; Plin. NH. VI. 18), колония ионийского Теоса Фанагория (Arr. Byth. Fr. 55; Ps.-Scymn. 886 sq.) и Гермонасса, основанная либо ионийцами (Dionys. Per. 52), либо эолянами из Митилены на Лесбосе (Arr. Byth. Fr. 55). В принципе можно предположить, что число выведенных на Боспор апойкий было большим, и среди городов, названия которых известны по свидетельствам древних авторов, имеются колонии, информация об основании которых утеряна. Однако приведенный реестр вряд ли можно значительно расширить. Совокупность археологических материалов (прежде всего данные о развитии ремесла, культурных комплексах и пр.), нумизматики и эпиграфики (документы с упоминанием демотикона) позволяют дополнить его всего одним центром – Нимфеем¹². Только он наряду с Пантикапеем, Фанагорией и Феодосией чеканил монету¹³, а в надписях наряду с демотиконами "пантикапеец" (КБН. 37, 1048; МИС. 14, 21), "феодосиец" (КБН. 231), "гермонасит" (КБН. 495) и "кепит" (КБН. 188), засвидетельствован демотикон "нимфеец" (IOSPE. II. 201; МИС. 58). Кастор Фанагориец, один из вождей восстания против Митридата, известен по сообщению Аппиана (Mithr. 7. 108). Предположения о монетной чеканке других боспорских городов (Аполлония, Мирмекия, Синдской Гавани) в высшей степени сомнительны, а демотиконы "мирмекиец", "порфмиец" и пр. вообще отсутствуют, что очень показательно.

⁷ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 103. Прим. 104.

⁸ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 369 сл.

⁹ Жебелев С.А. Возникновение Боспорского государства // СП. С. 69.

¹⁰ Он же. Основные линии экономического развития Боспорского государства // СП. С. 122; он же. Боспорские этюды. I. Образование Боспорского царства // СП. С. 159.

¹¹ Жебелев. Боспорские этюды... С. 162.

¹² Виноградов Ю.А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 8; он же. О полисах на Боспоре // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Материалы конф. в Херсонесском заповеднике. Севастополь, 1992. С. 21–22.

¹³ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 14 сл.; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 5 сл.

Археологические материалы свидетельствуют о тех же центрах. Для краткости изложения ограничимся сведениями по греческим поселениям свроейского Боспора. Особое положение здесь Пантикапея и Нимфея вполне очевидно. О развитии ремесленного производства свидетельствует мастерская VI в. до н.э. по производству расписной керамики в Нимфее¹⁴, аналогичная пантикапейской¹⁵. В Пантикапее засвидетельствовано производство и простой керамики¹⁶, обнаружены металлообрабатывающая мастерская и мастерская оружейника¹⁷, имеются данные о художественной обработке металла¹⁸. Если говорить о культурной жизни боспорских городов на раннем этапе их развития, то наиболее информативные материалы по этому вопросу получены при раскопках Нимфея, где исследован целый комплекс святилищ¹⁹. В общем имеются основания предполагать, что в Восточный Крым и на Тамань было выведено всего шесть апойкий: Феодосия, Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и Кепы. Остальные пункты, в том числе и те, которые древние авторы называют городами, считать автономными центрами особых оснований нет, скорее всего они входили в состав того или иного города-государства. Для Восточного Крыма можно предположить, что поселения северо-восточной части полуострова (Тиритака, Мирмекий, Парфений, Порфмий и др.) входили в состав пантикапейского полиса. Юго-западная часть, отделенная Чурубашским озером и грядой холмов, принадлежала Нимфею²⁰.

Сравнивая колонизационный процесс двух античных центров Северного Причерноморья, Боспора и Ольвии, следует указать на одно бросающееся в глаза различие. Сельскохозяйственная округа Ольвии состояла из большого числа сравнительно не крупных поселений (деревень), сейчас имеются данные о 107 таких памятниках²¹. А на Боспоре, особенно европейском, все обстоит по-иному. В монографии И.Т. Кругликовой имеются данные лишь о трех (точнее четырех) архаических сельских поселениях на Керченском полуострове и восьми на Тамани²². Благодаря разведкам Я.М. Паромова число известных архаических поселений на азиатской стороне Боспора значительно увеличилось²³, но, к сожалению, ни одно из них по-настоящему не раскопано и соответственно сведения об их облике, культуре и т.д. пока отсутствуют. К тому же этот район, обладающий значительной спецификой в палеогеографическом отношении, должен был отличаться от Восточного Крыма и по характеру освоения греками сельскохозяйственных территорий. Но в отношении последнего новейшие археологические исследования заметного количественного роста сельских поселений архаического времени не дают. Остается предположить, что здесь возобладала другая система заселения – в виде сравнительно крупных поселений, впоследствии превратившихся в небольшие городки, расположенные по берегу пролива на небольшом расстоянии друг от друга. Эти "аграрные городки", если использовать терминологию некоторых немецких исследователей²⁴, скорее всего и составили сельскую округу Пантикапея, а возможно, и некоторых других боспорских полисов.

¹⁴ Скуднева В.М. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н.э. // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7. С. 73–75; Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 45.

¹⁵ Марченко И.Д. Местная расписная керамика Пантикапея VI–V вв. до н.э. // СА. 1967. № 2. С. 146 сл.

¹⁶ Кругликова И.Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее VI–III вв. до н.э. // МИА. 1957. № 56. С. 104 сл.

¹⁷ Марченко И.Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 162 сл.; она же. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2. С. 146 сл.

¹⁸ Она же. Литейная форма конца VI в. до н.э. из Пантикапея // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 51 сл.; Трейстер М.Ю. Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ. 1984. № 1. С. 156.

¹⁹ Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. 16. С. 232 сл.; он же. Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. 1958. 2. С. 83 сл.; он же. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 18–30, 36 сл.

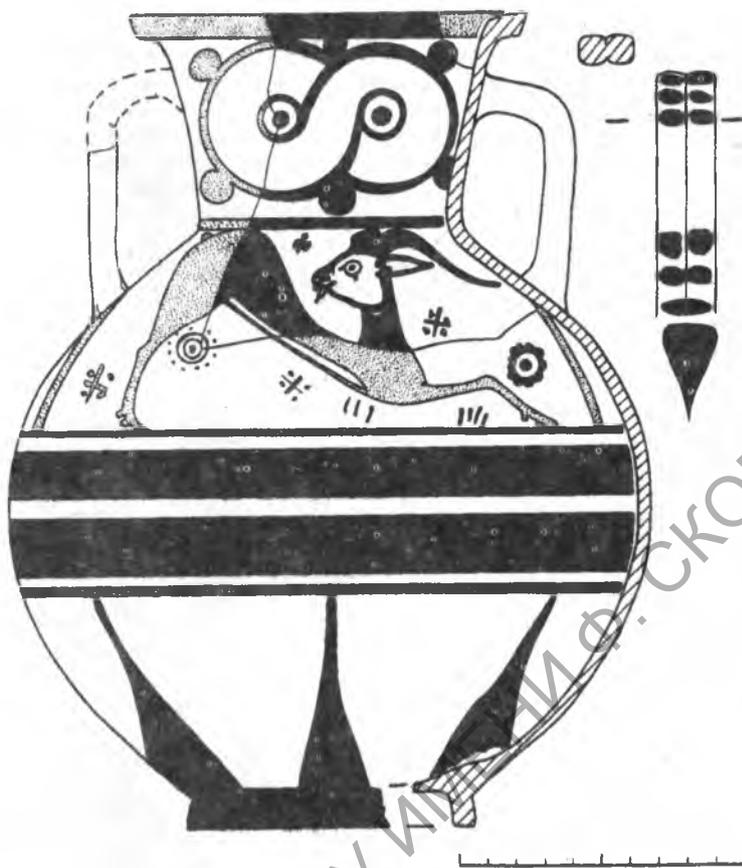
²⁰ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 30.

²¹ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 10.

²² Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. С. 27–28.

²³ Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 72; он же. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 63.

²⁴ Busolt G. Griechische Staatskunde. Ht. I. München, 1920. S. 140. Anm. 2; Kirsten E. Die griechische Polis als historische-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 92; ср. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 29.

Родосско-ионийская амфора из Мирмекия (реконструкция)

Внутренняя колонизация, по некоторым предположениям, происходила вскоре после выведения основного центра, а не столетием спустя, как представлялось С.А. Жебелеву. В этом отношении немалое значение имеет фиксируемое археологически время основания поселений. Несмотря на близость этих событий в пределах нескольких десятилетий, традиционно считается, что наиболее ранней апожкой Боспора является Пантикапей, возникновение которого относят к рубежу VII–VI вв. до н.э. или 590–570 г. до н.э.²⁵ Другие поселения (Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Тиритака и пр.), по мнению некоторых авторов, возникают во второй четверти VI в. до н.э.²⁶ Основой для подобных выводов являются разрозненные и немногочисленные находки ранней греческой керамики из культурных напластований. Однако такой методический прием весьма уязвим и не всегда правомерен. Не вызывает сомнения, что принципиальное значение для определения времени возникновения того или иного поселения должны иметь не отдельные находки, а анализ остатков самого раннего культурного слоя, первых погребений и, разумеется, материалов строительных и хозяйственных комплексов²⁷. Исследователи, придерживающиеся таких

²⁵ Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 107 сл., 120, 148; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 15 сл., 23; Виноградов Ю.Г. Ук. соч. С. 368; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 51; Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 35; Кузнецов В.Д. Ранние апожки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 33.

²⁶ См.: Кошеленко, Кузнецов. Ук. соч. С. 35–36; Кузнецов. Ук. соч. С. 33–34.

²⁷ Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 79.

взглядов, как правило, предлагают более поздние даты основания греческих поселений, к примеру, возникновение Мирмекия относят не к второй четверти VI в. до н.э., хотя бесспорные материалы этого времени найдены при раскопках, а к середине столетия²⁸. Но и эта позиция уязвима, поскольку базируется на достигнутом знании, ограничивая прогностическое значение. Имеющиеся на каждом из раскопаемых памятников наиболее ранние находки, пусть немногочисленные и разрозненные, всегда позволяют надеяться, что со временем при систематическом, целенаправленном проведении полевых исследований будут открыты и более ранние комплексы. Так, в Мирмекии понадобилось почти 10 лет поисков, прежде чем в 1992 г. удалось зафиксировать бесспорные свидетельства существования поселения во второй четверти VI в. до н.э. На участке С у подножия скалы Карантинного мыса (мирмекийский акрополь) были открыты двенадцать ям с материалами первой половины VI в. до н.э. Среди находок – фрагменты ионийских киликов, тарелок, целый экземпляр расписной тарелки, обломок ойнохой с изображением женского лица, обломки расписной амфоры с изображением на обеих сторонах сосуда козла с повернутой назад головой (амфора легко реконструируется, см. рис.) и т.д. Эти находки позволяют согласиться с теми, кто относит возникновение значительной части боспорских поселений ко второй четверти VI в. до н.э. (580–550 гг.), и надеяться, что со временем подобные комплексы будут открыты и на других памятниках.

Однако специфика археологических источников такова, что датировка на их основе исторических событий, в данном случае возникновения греческих поселений в течение довольно узкого промежутка времени, еще не означает абсолютной одновременности их появления. В отношении европейского Боспора можно предположить, что первыми здесь возникли Пантикапей, как это обычно считается, и, возможно, Нимфей; Тиритака, Мирмекий, Порфмий и другие поселения северо-восточной части полуострова появились несколько позднее, вероятно, по инициативе Пантикапея, направлявшего прибывающих переселенцев в эти пункты. Именно в этом, на наш взгляд, заключается смысл боспорской внутренней колонизации.

Но что же заставило греков избрать здесь такую систему расселения? Почему сельские поселения не были выведены в глубь степей, что типично для более поздних периодов? Думается, в этом проявляется негативное влияние демографической ситуации в регионе на ход колонизации. Оно могло стать результатом близости предкавказской Скифии, соседа явно очень сильного, а также вероятных передвижений какой-то части скифской орды из Поднепровья через Боспор Киммерийский в Прикубанье с целью устройства удобных зимников и внеэкономической эксплуатации местных земледельческих племен²⁹. В.П. Яйленко прав в том, что при угрозе со стороны кочевников освоение территории древнегреческой колонии происходило путем основания небольших городков³⁰. Довольно крупные поселения, расположенные на берегу пролива, в местах, удобных для обороны, на небольшом расстоянии друг от друга, на пути передвижений кочевников, конечно, были более жизнестойкими, чем выдвинутые в степь деревни, хотя и они не были гарантированы от всякого рода случайностей.

Как представляется, сталкиваясь с греками на Боспоре, номады сами не использовали эту зону в экономическом отношении, а лишь проходили через нее во время миграций. Подобная ситуация засвидетельствована для различных исторических периодов во многих регионах, в том числе и в степях Евразии³¹. В принципе она могла создавать немалые трудности для обеих сторон: как для кочевников, так и в большей степени для греков-земледельцев, что таило в себе опасность возникновения вражды и конфликтов, во избежание которых заключались всякого рода договоры, соглашения и т.п. Обе стороны, но в первую очередь, разумеется, номады, стремились к налаживанию торговых связей. Показательно в этом отношении упоминание Стефана Византийского о том, что Пантикапей был основан на земле, полученной от скифского царя Агаэта (s.v. Παντικάπαιον). Но ситуация вполне могла быть неоднозначной. Не оспаривая в целом устоявшиеся концепции о мирном характере греческой колонизации Северного Причерноморья вообще

²⁸ Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е.О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 146, но ср. с. 132; Gajdukevič. Op. cit. S. 179.

²⁹ Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 151 сл.; Виноградов Ю.Г. Ук. соч. С. 402.

³⁰ Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 135.

³¹ Khazanov A.M. Nomads and the outside world. Cambr., 1984. P. 33.

и Боспора в частности³², укажу на недопустимость в этом вопросе какой-либо идеализации. Не следует забывать свидетельства Страбона, что скифов изгнали эллины, "основавшие Пантикапей и другие полисы на Боспоре" (XI. 2. 5). Данному сообщению обычно не придается решающего значения при построении колонизационной модели³³, поскольку оно якобы не находит подтверждения в археологических источниках. О мирном характере греко-варварских взаимоотношений, по мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, "красноречиво свидетельствует отсутствие на поселениях VI в. как оборонительных сооружений, так и следов разрушения или обширных пожаров"³⁴. С этим утверждением сейчас уже вряд ли можно однозначно согласиться.

Раскопками 1992 г. в Мирмекии зафиксированы следы сильного пожара приблизительно около середины VI в. до н.э. Материал из ранних ям, упоминавшихся выше, скорее всего представляет собой сброс мусора, образовавшегося в результате этого события, так как обожжена и оплавлена значительная часть расписной керамики и некоторые амфорные фрагменты. С пожаром следует связывать также прослойку сажи, фиксирующуюся над материком в некоторых местах раскопа С. Пока еще трудно судить, связан ли этот пожар с нападением неприятеля или же объясняется иными причинами. Наконечников стрел, обломков оружия и т.п. в ямах не обнаружено. Однако, в связи с изложенным особое значение приобретает еще одно открытие 1992 г. в Мирмекии: некоторые ямы середины VI в. до н.э., а также упоминавшийся слой гари, перекрываются мощной кладкой необычного архаического облика (ширина 1 м), препятствующей доступу на акрополь между двумя обрывистыми выступами скалы. Более того, эта кладка неплохо увязывается с остатками двух других стен, в совокупности образующих своеобразный уступ наподобие бастиона. Оборонительное значение конструкции при таком понимании открытых строительных остатков вполне очевидно. Рискну высказать предположение, что мирмекийский акрополь был укреплен вскоре после пожара, т.е. во второй половине VI в. до н.э. Иными словами, совсем не исключено, что в Мирмекии удалось обнаружить оборонительную систему античного времени, которая является самой ранней на сегодняшний момент не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье³⁵. Но это весьма ответственное заключение, безусловно, нуждается в дополнительной проверке, тем более что оно закономерно может привести к важным коррективам существующей картины греческой колонизации Боспора Киммерийского, взаимоотношений ранних апоекий с местным населением и т.д. Решающую роль в этом должны сыграть будущие полевые исследования на городище. Тем не менее господствующая схема мирной колонизации берегов Керченского пролива, оставаясь в целом верной, уже сейчас нуждается в некоторых оговорках.

Влияние демографической ситуации в регионе на ход греческой колонизации прослеживается, разумеется, не только в военно-политическом плане, в области культурных взаимоотношений оно еще более ощутимо. Археологическое изучение ранних культурных напластований боспорских городов, особенно за последние годы, привело к осознанию весьма важного факта: на первоначальном этапе они были застроены небольшими по площади, круглой или четырехугольной в плане формы полуземлянками. Они открыты в Пантикапее, Мирмекии, на поселении на месте Анапы, Тирамбе³⁶ и, наконец, в Нимфее, где зафиксированы сравнительно давно, но ошибочно отнесены к скифскому поселению, существовав-

³² Гайдукевич. Боспорское царство. С. 34, 36; Жебелев. Основные линии экономического развития... С. 122; Виноградов Ю.Г. Ук. соч. С. 371; Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 27.

³³ Виноградов Ю.Г. Ук. соч. С. 371.

³⁴ Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 62.

³⁵ М.Ю. Вахтина любезно сообщила мне, что при раскопках Порфмия были обнаружены следы пожара и остатки оборонительной стены, по конструкции очень близкие мирмекийской, которые она относит к последней четверти—концу VI в. до н.э.

³⁶ См.: Толстиков В.П. Некоторые пути изучения центральной части Пантикапея и проблема эллино-скифских отношений в VI—V вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 41; Виноградов Ю.А. Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж—Белгород, 1991. С. 12 сл.; он же. Исследования на западной окраине Мирмекия // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 71 сл.; Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 19 сл.; она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 9 сл.; Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь). Итоги археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961—1963 и 1965 гг. // СГМИИ. 1968. IV. С. 55, 63.

шему до выведения сюда греческой апойкии³⁷. Сейчас есть все основания вслед за С.Д. Крыжицким признать, что "генезис и общее направление эволюции жилых домов Боспора аналогичны в целом ольвийской зоне, хотя и имели некоторые отличия"³⁸. Строительство сырцово-каменных наземных зданий, по его мнению, относится в Ольвии ко времени не ранее начала V в. до н.э.³⁹ Материалы Мирмекия практически полностью подтверждают этот вывод⁴⁰. В Пантикапее же переход, вероятно, произошел несколько ранее – в последней четверти VI в. до н.э.⁴¹ Имеющиеся исключения из общего правила, прежде всего наземные постройки Торики, возведенные не позднее середины VI в. до н.э.⁴², демонстрируют определенную боспорскую специфику, но вряд ли позволяют сомневаться в обоснованности гипотезы С.Д. Крыжицкого.

На мой взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые видят в земляночном домостроительстве один из феноменов греческой колонизации Северного Причерноморья, объясняя его влиянием материальной культуры местного населения. Е.М. Алексеева рассматривает открытые в Анапе полужемлянки как временные жилища первых колонистов, воспринявших традицию домостроительства варварских племен Прикубанья; по ее мнению, это объясняется тем, что в суровом климате Северного Причерноморья греки стремились "без больших материальных затрат присмотреться к новым условиям" и, лишь убедившись в возможности дальнейшего проживания, переселенцы приступили к строительству домов в знакомых им традициях⁴³. В общем она выражает достаточно распространенную точку зрения. Однако, если признать, что ранние греческие поселения возникли на Боспоре во второй четверти VI в. до н.э., а переход к наземному домостроительству произошел в конце VI или даже начале V в. до н.э., то остается констатировать, что переселенцы "присматривались" к местным условиям 50–75 лет, т.е. на протяжении жизни двух поколений. Приходится отметить, что весьма продолжительный период ранние боспорские поселения, по крайней мере многие из них, имели очень примитивный, полуварварский облик. Несмотря на сомнения, которые в связи с этим могут возникнуть относительно их этнической принадлежности, поселения все-таки следует рассматривать как греческие. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует преимущественно античный характер находок, в том числе и весьма специфических (терракотовые статуэтки, граффити, образцы греческого оружия и пр.). Наконец, следует еще раз указать на открытие укреплений мирмекийского акрополя. Если их датировка в пределах второй половины VI в. до н.э. подтвердится, а сейчас это кажется очень вероятным, то придется констатировать, что поселение, состоявшее из комплекса грубых полужемлянок, было укреплено согласно греческим традициям.

Для культурного облика ранних греческих поселений Боспора, как в принципе и других районов Северного Понта, характерна еще одна особенность, обычно объясняемая влиянием местной среды – наличие лепной посуды, изготовленной в традициях варварского населения хинтерлянда. Показательно, что она наиболее многочисленна как раз в самых ранних комплексах. Например, в Мирмекии на раскопе П лепная керамика в слоях середины VI в. до н.э. составляет от 24 до 37% находок без учета амфорных материалов. При этом набор лепной посуды демонстрирует явное сходство с керамикой, характерной для племен Прикубанья⁴⁴. Эти наблюдения подтвердились и на материалах других мирмекийских комплексов.

Проблема лепной керамики боспорских городов весьма далека от разрешения. Априорно можно предположить, что особое значение в процессе культурного влияния могли иметь племена горного Крыма, Прикубанья и, разумеется, степных районов Северного Причерноморья. Любопытно, что на Боспоре как будто полностью отсутствуют лепные горшки со сквозными проколами по краю, характерными для керамики некоторых лесос-

³⁷ Скуднова В.М. Скифские памятники из Нимфея // СА. 1954. XXI. С. 306 сл.; Худяк. Из истории Нимфея. С. 13 сл.

³⁸ Крыжицкий С.Д. Жилье дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 66.

³⁹ Там же. С. 30.

⁴⁰ Виноградов Ю.А. Некоторые особенности развития Мирмекия в архаическую эпоху // Древности Кубани. Материалы научно-практической конф. Краснодар, 1990. С. 26.

⁴¹ Толстиков. Некоторые пути изучения... С. 42.

⁴² Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 94.

⁴³ Алексеева. Греческая колонизация... С. 11.

⁴⁴ Виноградов Ю.А. Ранние комплексы Мирмекия... С. 13, 15.

тепных районов Северного Причерноморья. В Ольвии и на Березани, например, они представлены достаточно широко⁴⁵. Для азиатского Боспора логично ожидать влияния в основном Прикубанья⁴⁶. Раскопками в Торике и на раннем поселении в Анапе выявлены образцы лепной керамики меотского облика – горшки с непрофилированным венцом, миски с налестами под краем и пр.⁴⁷ Заинтересованность греков-колонистов в контактах с земледельцами Прикубанья проявляется по этим материалам вполне отчетливо. На европейской стороне картина, вероятно, могла быть сложнее. Анализируя комплекс лепной керамики VI–V вв. до н.э. из Нимфея, Э.В. Яковенко настаивает на скифском ее происхождении, а связь некоторых типов по форме, декору и технике орнаментации с лепной керамикой Северного Кавказа и горного Крыма объясняет промежуточным положением Керченского полуострова. Именно его географическое положение, по мысли исследовательницы, обусловило для скифского населения Керченского полуострова роль посредника, благодаря чему в культурах обозначенных районов сложились сходные черты⁴⁸. В общем, не оспаривая этой точки зрения, хотелось бы указать, что сейчас она уже не объясняет всей сложности картины, возникающей при сопоставлении синхронных комплексов лепной керамики, происходящей из различных боспорских центров. Можно согласиться с Э.В. Яковенко и признать нимфейский комплекс лепной керамики в основном скифским, в связи с чем представляется принципиально важным то, что он заметно отличается от мирмекийского, который, как уже говорилось, близок комплексам поселений азиатской стороны.

Несмотря на явную недостаточность материалов, касающихся архаического Боспора вообще и лепной керамики этого времени в частности, можно предположить, что различия наборов лепной посуды из отдельных центров не являются случайными, а отражают некоторую закономерность. Эта закономерность, как представляется, лежит в плоскости вовлечения местного населения, в первую очередь, разумеется, земледельческого, в орбиту сначала политического и экономического влияния греческих колоний, а затем и включения определенных туземных контингентов в состав апойкий, где они скорее всего составили слой зависимого населения. Весьма близкая картина фиксируется в районе Нижнего Побужья, где археологические материалы демонстрируют признаки этнокультурных различий сельского населения ольвийской округи⁴⁹.

Количество лепной посуды, если судить по мирмекийским материалам, а Мирмекий сейчас стал одним из сравнительно хорошо изученных архаических памятников Боспора, уменьшается к концу VI в. до н.э. в два-три раза, составляя не более 15% в керамическом комплексе. Упрощается и ее набор, который сводится практически к одному типу горшков с выделанным горлом и отогнутым наружу краем. Прикубанские влияния на этих материалах проследить уже не удастся⁵⁰. Но в высшей степени важно подчеркнуть, что этот показательный процесс предшествовал другому принципиальному изменению. Как было сказано выше, приблизительно в конце VI – начале V в. до н.э. на Боспоре перешли к наземному домостроительству. Затянувшийся этап "предыстории античного жилого дома Северного Причерноморья"⁵¹ завершается, и на боспорских поселениях, что видно по результатам раскопок на Мирмекии, возводятся многокамерные здания с сырцовыми стенами на каменных цоколях, внутренними мощеными дворами, улицами с тротуарами и пр. Поселения, наконец, приобретают городской облик, хотя в социально-экономическом плане многие из них так и остались большими деревнями или аграрными городками, населенными земледельцами. Может быть, в этом следует искать объяснение путаницы у

⁴⁵ Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л., 1988. С. 77, 79 сл.

⁴⁶ Каменецкий И.С. Меоты и греческая колонизация // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988. С. 91.

⁴⁷ Оняко. Архаический Торик. С. 90; Каменецкий. Меоты... С. 91; Алексеева. Раннее поселение... С. 29; она же. Греческая колонизация... С. 10–11; Коровина. Тирамба. С. 59. Рис. 4, 10, 11.

⁴⁸ Яковенко Э.В. Липна керамика VI–V ст. до н.э. з Нимфея // Археология. 1978. 27. С. 42.

⁴⁹ Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Розов Е.Я. К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса, 1989. С. 16 сл.; Виноградов Ю.А. Об изучении античных архаических поселений левобережья Бугского лимана // История и археология Нижнего Подунавья. Чтения памяти проф. А.И. Доватура. Тез. докл. научно-практического семинара. Рени, 1989. С. 47 сл.

⁵⁰ Виноградов Ю.А. Некоторые особенности развития... С. 26; она же. Исследования на западной окраине... С. 74, 76. Сходные процессы прослеживаются на ольвийских материалах. См. Марченко. Варвары... С. 121.

⁵¹ Крыжицкий. Жилые дома... С. 30.

античных авторов, которые одни и те же центры Боспора именуют то городами, то деревнями⁵². Принципиальное значение происшедших перемен заключается в том, что только с этого времени боспорские апойкии, как и апойкии Северо-Западного Причерноморья, приобретают облик, характерный для метрополии и других областей греческой колонизации с начального этапа их освоения⁵³. Этот феномен греческой колонизации Северного Причерноморья, по всей видимости, еще долго будет темой научных изысканий.

Ю.А. Виноградов

SOME DEBATABLE PROBLEMS OF GREEK COLONIZATION OF THE CIMMERIAN BOSPORUS

Yu. A. Vinogradov

The author of the article is dealing with a very disputable question – the foundation of Greek colonies on the shores of the Cimmerian Bosphorus. He considers that practically all ancient Greek sites appeared there in course of the colonizing process as comparatively large settlements, and were situated at a small distance from each other. Later on they were turned into small "agrarian towns" which were included into agrarian territory of large Greek poleis like Panticapaeum, Nymphaeum, Phanagoria. New finds from Myrmekion prove that these "agrarian towns" were founded in the second quarter of the VI century B.C.

⁵² См., например, *Гайдукевич В.Ф.* Археологическое изучение Мирмекия // МИА. 1941. № 4. С. 96–97; *Онайко.* Архаический Торик. С. 117.

⁵³ *Яйленко.* Греческая колонизация... С. 242; *Блаватский, Кошеленко, Кругликова.* Ук. соч. С. 17; *Ward-Perkins J.B.* Cities of Ancient Greece and Italy: planning in Classical Antiquity. N.Y., 1974. P. 11, 22–24.